
КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ

Э. Э. ШУЛЬЦ

ПРИЧИНЫ РЕВОЛЮЦИЙ: «ГОЛОВА ИЛИ КОШЕЛЕК?»

В чем кроются причины революций? Автор статьи систематизирует гипотезы, выдвинутые на протяжении более трех столетий, и обсуждает современные версии.

Ключевые слова: революция, теория, социология, причина.

Почему люди бунтуют? Причина возникновения революций остается одной из ключевых проблем социальной теории. Большинство исследователей искали причины революций в первую очередь в психологии и экономике. В настоящей статье представлена историография вопроса с попыткой систематизации и критического анализа.

Впервые слово «революция» в качестве термина, обозначающего определенные события и последствия социально-политического характера, судя по всему, применил английский философ Ф. Бэкон (1561–1626) (Bacon 1720a: 356; 1720b: 22; 1765a: 524; 1765b: 90, 283; 1765c: 119, 210). Однако ни Бэкон, ни Т. Гоббс (1588–1679) или Д. Юм (1711–1776), регулярно использовавшие этот термин, не оставили законченных суждений о причинах революций. Подробнее этот вопрос исследовали мыслители, которым довелось стать свидетелями и участниками Американской, Французской революций, а затем революций XIX века.

Английский политик и публицист Э. Бёрк (1729–1797) в качестве причин революций называл личностный фактор – назначение на должности людей, не соответствующих требованиям и своим должностям (Бёрк 2001: 364–365). Историк Французской революции немец В. Блос (1849–1927) считал основной причиной событий 1789 года личность правителя (Блос 1906: 22). Политический деятель эпохи Великой французской революции А. Барнав (1761–

1793) писал в 1793 году, что «революции правлений» «зависят от страстей и воли человека» и «не могут подчиняться точным и рассчитанным законам, приложимым к движениям неодушевленной материи» (Жорес 1977: 138). Т. Карлейль (1795–1881) также делал упор на массовую психологию, считая, что «эпохи неверия» «скоро и неизбежно превращаются в эпохи революций» (Карлейль 2008: 20). С таким подходом спорил французский государственный деятель начала XIX века Ж. де Местр (1753–1821), который был уверен, что революция управляет людьми, а не люди революцией: они действуют не в зависимости от собственного замысла, а predetermined образом (Местр 1997: 14–15). «И даже злодеи, которые кажутся вожаками революции, участвуют в ней лишь в качестве простых орудий, и как только они проявляют намерение возобладать над ней, они подло низвергаются» (Там же: 15). Революции predetermined и неизбежны, считал де Местр, их невозможно предупредить и им нельзя воспрепятствовать (Там же: 14–15).

Таким образом, появились первые полярные точки зрения: революции – это процесс, вызываемый субъективным фактором или некоей объективной силой, обстоятельствами.

Один из создателей «теории революции» Дж. Кларк в небольшой брошюре «История и теория революций» (Clark 1862) назвал революции природным явлением, явлением того же порядка в государственной жизни, что и смена времен года в природе, где каждое следующее выступает «революцией» по отношению к предыдущему. «Революция – это непрекращающаяся деятельность в развитии государства», – убеждал Кларк (*Ibid.*: 8).

В 1856 году А. де Токвиль, исследуя французскую историю XVIII века, писал, что «революция уничтожает сложившиеся политические устои, называемые обычно феодальными порядками, которые на протяжении многих веков безраздельно царили у большинства европейских народов, чтобы установить более однообразный социально-политический строй, имеющий в своей основе равенство условий» (Токвиль 2008: 29). Токвиль призывал искать истоки революции еще во времена, предшествующие ей, когда, возможно, государство находится на пике своего могущества и кажущегося благополучия. «Нет сомнений, – писал он, – что истощение королевства при Людовике XIV началось в то самое время, когда этот государь еще торжествовал над всей Европой. Первые признаки этого встречаются в наиболее славные годы его правления. Франция оказалась разоренной гораздо раньше, чем перестала

побеждать» (Токвиль 2008: 151). Токвиль выявляет интересный парадокс: «Революция, чьей целью, собственно, было повсеместное уничтожение средневековых учреждений, разразилась не в тех странах, где эти учреждения лучше всего сохранились, заставляя народ сильнее всего ощущать их обременительность и суровость, но, наоборот, там, где народ ощущал их менее всего. Таким образом, ярмо оказалось наиболее невыносимым именно там, где оно на самом деле было наименее тяжелым» (Там же: 31).

К. Маркс встал на сторону неизбежности и детерминированности революций, также полагая их неотъемлемой частью исторического развития. Причиной революции, по Марксу (положение, которое легло в основу всех воззрений марксизма), является конфликт между общественными производительными силами и производственными отношениями (Маркс 1959: 6–7). Первые становятся более прогрессивными, чем вторые, и через революцию ведут к смене производственных отношений. Причина революции – внутренний конфликт, а последствие – более прогрессивные производственные отношения. Следует также учесть, что марксизм рассматривает революцию как способ перехода от исторически изжившей себя общественно-экономической формации к более прогрессивной (см., например: Философский... 1983: 574). «Радикальная социальная революция, – писал Маркс, – связана с определенными историческими условиями экономического развития; последние являются ее предпосылкой» (Маркс 1961: 612).

Первым представителем экономического детерминизма можно считать шотландского философа Дж. Миллара (1735–1801) (Millar 1793), а в XIX веке это направление стало популярным в работах многих авторов (см.: Семенов 2009: 4–5). Особенно к конкретным проявлениям экономических условий склонялись исследователи отдельных революций. Так, В. Блос и Ж. Жорес основными причинами Великой французской революции считали «невыносимый» дефицит бюджета, а Жорес еще и прибавлял к этому повышение цен и демографический рост, оказывающие влияние на социально-экономическое положение в государстве (Блос 1906: 26; Жорес 1977: 63, 193). Г. Спенсер (1820–1903) также полагал определяющей причиной французской революции социально-экономические факторы (Спенсер 2007: 69, 189).

Однако и в таком контексте идея Маркса носила радикальный характер. Не только социальные и психологические мотивы определяются, с его точки зрения, экономикой, но сама экономика

детерминирована способом производства и уровнем развития производственных отношений (см.: Маркс 1956: 86; 1959: 6–7; Маркс, Энгельс 1955: 424, 435).

Заочный спор с «экономизмом» начался еще до Маркса. Так, Г. В. Ф. Гегель (1770–1831), рассуждая о причинах Американской революции XVIII века, заметил, что бунт разразился не из-за денег и налогов, а из-за самого принципа, кто волен облагать этими налогами. «Налог, введенный английским парламентом на чай, который импортировала Америка, был ничтожен; однако уверенность американцев в том, что вместе с совершенно незначительной суммой, составляющей этот налог, они потеряют и свое важнейшее право, привела к революции... Происходит это потому, что англичанин свободен, что он пользуется правами, даруемыми свободой, – одним словом, потому что он сам облагает себя налогами» (Гегель 1978: 56).

Примечательно, что подспудно главными оппонентами экономической детерминированности или безусловности экономических причин в возникновении революций выступили видные марксисты, как правило, революционеры-практики. Так, видный немецкий социалист, «главный марксист» своего времени К. Каутский в 1909 году, за четыре года до В. И. Ленина, попытался сформулировать условия успешности революционного восстания. Таких, по Каутскому, четыре: 1) режим должен быть решительно враждебен народным массам; 2) должна существовать крупная партия, находящаяся в непримиримой оппозиции к этому режиму и поддерживаемая организованными массами; 3) эта партия должна представлять интересы огромного большинства населения и пользоваться его доверием; 4) доверие к господствующему режиму, вера в его силу и устойчивость должны быть поколеблены у самих орудий его – бюрократии и армии (Каутский 1959: 77). Без этих условий ни экономические причины, ни даже противоречие между производственными силами и производственными отношениями не «сработают».

Опыт состоявшихся, но еще больше – несостоявшихся, несмотря на прогнозы, и «неудачных» революций подсказал Ленину, что несоответствие производительных сил производственным отношениям и экономическое положение угнетенных – недостаточные причины для революции. В 1913 году Ленин приходит к следующему выводу: «Одно угнетение, как бы велико оно ни было, не всегда создает революционное положение страны. Большею частью для революции недостаточно того, чтобы низы не хотели жить, как

прежде. Для нее требуется еще, чтобы верхи не могли хозяйничать и управлять, как прежде» (Ленин 1973: 300). Ленин считает это состояние объективным, не зависящим от воли и желания отдельных групп, партий, даже целых классов (Он же 1969б: 219–220). Однако «не из всякой революционной ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не “упадет”, если его не “уронят”» (Там же: 220).

В 1915 году Ленин уверенно заявил: «Для марксиста не подлежит сомнению, что революция невозможна без революционной ситуации, причем не всякая революционная ситуация приводит к революции» (Там же: 219). Большую роль в подъеме революционного движения вождь русской революции уделял личностному фактору и слабости правителей. Так, полемизируя по вопросу революции в Европе, которая должна была, по убеждению большевиков, вспыхнуть вслед за российской революцией, Ленин говорил: «Пролетариат в Европе нисколько не больше зачумлен, чем в России, а трудней там начало революции потому, что там нет во главе власти ни идиотов, вроде Романова, ни хвастунов, вроде Керенского, а есть серьезные руководители капитализма, чего в России не было» (Он же 1969а: 269).

Вслед за Лениным многие марксисты – практики революционного движения стали выступать против жесткого экономического детерминизма. Итальянский коммунист А. Грамши (1959: 196) назвал такой детерминизм «настоящим историческим мистицизмом» и «верой в проявление своего рода чудодейственной силы». Экономика не явит чудо революции, ей необходимо содействовать всеми возможными способами – на этом принципе были построены все «социалистические» и так называемые народно-демократические революции XX века (см.: Че Гевара 2006: 331).

Таким образом, с конца XVIII до начала XX века были заложены основы для поиска причин революций в экономике, в психологии и в социальной сфере. Ученые XX века разрабатывали уже выдвинутые подходы, делая, возможно, больший уклон в социальные исследования и социальные причины, будь то социально-экономические или социально-психологические. Третье десятилетие XX века породило целое направление – «социологию революции»,

и именно направление «социальные факторы» стало одним из главных двигателей в разработке этой проблематики.

Основатель «социологии революции» русский мыслитель П. Сорокин (1889–1968) видел причины революций в массовом ущемлении безусловных рефлексов и ослаблении социального контроля. «Итак, 1) рост ущемления главных инстинктов, 2) массовый характер этого ущемления, 3) бессилие групп порядка уравновесить пропорционально усиленным торможением возросшее давление ущемленных рефлексов – таковы необходимые и достаточные условия наступления революций» (Сорокин 2005: 323). «Атмосфера предреволюционных эпох всегда поражает наблюдателя бессилием властей и вырождением правящих привилегированных классов. Они подчас не способны выполнять элементарные функции власти, не говоря уж о силовом сопротивлении революции» (Он же 1992б: 288).

«Теория элиты и сравнительный исторический анализ, – признает ведущий американский специалист Дж. Голдстоун (2006: 71), – породили многочисленные ситуационные исследования, в которых крушение государства объясняется расколом элиты и ее отказом от сотрудничества с режимом». У истоков этой теории вместе с Сорокиным стояли итальянский и немецкий социологи В. Парето (1848–1923) и Р. Михельс (1876–1936). Парето (2008: 347–349) видел причины революций в слабости правящего класса, который «преимущественно довольствуется настоящим и мало беспокоится о будущем» и не способен ассимилировать «лучшие элементы, рождающиеся в классе управляемых». Если при этом «в управляемом классе имеется некоторое количество индивидов, склонных к применению силы, и если у них есть предводители, способные вести их за собой, то правящий класс часто лишается власти и его место занимает другой класс». Таким образом, резюмировал Парето, революции приводят к власти новый правящий класс, у которого сильны инстинкты сохранения агрегатов; следовательно, к своим стремлениям пользоваться благами сегодня этот новый правящий класс добавляет идеальные цели, достижение которых намечено на неопределенное будущее – скептицизм отчасти сменяет веру. В сущности, «теория элиты» применительно к революциям раскрывает один из пунктов «революционной ситуации» по Ленину, обозначенный Парето как неспособность действующих элит и активность идущих им на смену.

Один из родоначальников «теории революции» Л. Эдвардс считал причинами революций постепенную концентрацию «народного недовольства по отношению к некоторым институтам и представляющим их людям». По Эдвардсу, эти изменения, как правило, связаны с внешним влиянием, в первую очередь – информационным, и постепенной концентрацией «народного недовольства по отношению к некоторым институтам и представляющим их людям». Внешнее влияние оказывается по большей части «чужаками» («стрейнджерами») – людьми, которые пришли, чтобы остаться, но тем не менее продолжающими быть чужими. Не будучи «продуктом» данной культурной традиции, считает Эдвардс, они не усвоили предрассудки, обычаи, правила поведения, принятые в этом обществе, не были вовлечены в исторический контекст, определяющий функционирование конкретной социальной системы. Стрейнджеры открывают людям глаза на их несовершенство, проводя сравнение данной группы с другими, более прогрессивными, с которыми им довелось познакомиться (Эдвардс 2005: 102, 104, 118; Edwards 1970: 24).

Этот набор концепций составил ядро «социологии революции» и «теории революции» и оказал влияние на взгляды многих исследователей XX и начала XXI века.

Экономический кризис всегда выступал «кандидатом номер один» в качестве причины революций, и в общем современный подход можно определить следующей формулировкой: причинами революций являются циклическое развитие экономики с постоянными кризисами, на которые и приходятся революции (Гринин 2009: 75–76). Отдельное направление исследований революций получили социально-экономические процессы, связанные с экономическими кризисами, но имеющими иную природу, нежели циклические периоды развития. В качестве самостоятельной и самодостаточной причины исследователями рассматривается принцип мальтузианской ловушки – дисбаланс между ростом производства и ростом благосостояния большинства населения, который может усугубляться обгоняющим демографическим ростом. Разновидности данного феномена – «мальтузианско-марксова» или «мальтузианско-урбанистская ловушка» (характерная, в отличие от классической мальтузианской ловушки, для индустриализующихся стран, в том числе с сильными пережитками феодализма) (Гринин 2010: 214, 216; Коротаев, Зинькина 2012: 28–29). Причины революций изучаются в последствиях модернизации и урбанизационного про-

цесса (когда в городах скапливается особо высокий процент недавних мигрантов из сельской местности) (Гринин 2010: 210; Гринин и др. 2010: 370, 371, 418).

Дж. Данн считал, что в основе революций лежат идеи, которые увлекли элиты и стали убедительными для захвата власти и подъема революции и которые дают достаточное оправдание свержению существующего политического (и в какой-то степени социального) порядка и замене его политическим контролем революционеров (Dunn 1972: 12, 15). «Революции случаются тогда, когда группе революционеров с достаточно сложными идеями удается пробудить большие массы людей с уже существующим глубоким недовольством господствующим порядком» (Там же: 15). Для С. Хантингтона (2004: 337) «решающим фактором является природа политической организации, а не стадия общественного развития». По Дж. Харту, причины в том, что экономическое развитие порождает новые социальные группы, которые приобретают важное экономическое значение, но не получают доступ к власти (Hart 1987: 11). Дж. ДеФронцо предложил модель пяти факторов, включающих массовую фрустрацию, диссидентские элиты, объединяющие мотивации, кризис государства и благоприятные международные обстоятельства (DeFronzo 1991: 100).

Английский социолог Р. Дарендорф рассматривал следующий комплекс причин в качестве основных для революций: угнетение населения, пренебрежение нуждами людей, высокомерие власти, недееспособность власти, которое ведет к запоздалости изменений и отсутствию веры к этой власти. Такая конфронтация «накапливает энергию конфликта», и «положение начинает напоминать пороховую бочку», которой «достаточно одной искры» (Дарендорф 2002: 10).

Дж. Голдстоун соглашался, что «революции возникают из смеси недостаточно сильного государства, межэлитных конфликтов, городских и сельских восстаний» (Goldstone 1982: 200). Причинами революций он считает не капитализм и его рост, а дисбаланс между ростом населения и негибкостью экономических и политических систем (*Idem* 1991: 489, 496).

В конце XIX века французский мыслитель Г. Лебон (1998) сделал ряд выводов об отношении массовой психологии к власти. Одно из утверждений заключается в том, что «масса» преклоняется перед сильной властью и готова восстать против слабой власти. Как уже указывалось, слабость правителей в качестве залога успеха

революции рассматривал и Ленин. В обобщенном виде это условие является частью принципов революционной ситуации, относясь одновременно к двум ее пунктам: о неспособности верхов и нежелании низов жить по-старому (с таким правительством). Парето (2011: 123) приходит к выводу, что уступки, сделанные обществу сильным правительством, «принимаются с благодарностью и признательностью, а подобные шаги слабого правительства вызывают презрение и насмешку».

Истоки этой концепции, как мы же отмечали, лежат в работе Токвиля «Старый порядок и революция», и ее горячо отстаивал Л. Эдвардс. «Правление Людовика XVI, – писал он, – в свои худшие времена было несравнимо лучше правления Людовика IX. Людовик XVI отправился на гильотину, а Людовик IX числится в списке святых... Американские колонии, бунтовавшие против плохого правления Георга III, были наиболее свободными и хорошо управляемыми колониями в мире. Управленческие функции в них при Георге III реализовывались лучше, чем при прежних королях. Колонистам, объявившим собственную независимость в 1776 г., жилось во всех отношениях лучше, чем преисполненным лояльности колонистам 1700 г. Царствование Николая II, сколь бы репрессивно и реакционно оно ни было, являлось гуманным и прогрессивным в сравнении с царствованием Ивана Грозного. Николай II был свергнут и убит. Иван Грозный дожил до преклонных лет, обладая абсолютной властью» (Эдвардс 2005: 110–111).

Эта концепция оказалась одной из самых стойких в XX веке. Так, например, она выглядит у французского экономиста и политолога Б. де Жувенеля (2011: 295–296): «Против кого взбунтовался народ? Против Людовика XIV? Нет, против благодушного Людовика XVI, даже не приказавшего своим швейцарцам стрелять. Против Петра Великого? Нет, против незлобивого Николая II, который не осмелился даже отомстить за своего дорогого Распутина. Против Генриха VIII – Синей Бороды? Нет, против Карла I, который после нескольких поползновений к единовластию покорно согласился на прозябание и никому не угрожал... Народы никогда не восстают против Власти, которая гнетет их и попирает. Ее жестокость вызывает страх, а бывает, что и восторг перед этим бичом великих мира сего».

Во второй половине XX века эта концепция приобрела несколько иное звучание: чем демократичнее режим, тем меньше шансов у революционеров (Tilly 2006: 161). В конце XX – начале

XXI века снова оживился интерес к личностям правителей и их деятельности как основной причине революции (Selbin 1999: 10–11, 25; Shakibi 2007: 2). Эта концепция тесно связана и с идеей выплеска социального протеста в период улучшения, а не при максимальном ухудшении условий жизни.

Токвиль (2008: 31) в середине и Г. Спенсер (1999: 1362–1363) в конце XIX столетия высказывали мысль, что революции происходят не тогда, когда население испытывает самый сильный гнет и самое тяжелое экономическое положение, а когда условия становятся лучше. Эдвардс (2005: 109) подхватил эту идею. «Ущемление элементарных потребностей в течение любого предреволюционного периода не является более сильным по сравнению с предшествующими периодами жизни того же общества. Очень часто оно даже меньше, чем прежде. Но если даже в действительности ущемление и меньше, оно кажется больше, а это, в свою очередь, усиливает недовольство». Эдвардс отмечал, что чем богаче и образованнее становятся члены низших слоев, тем больше они требуют социального признания и свобод, авторитета и влияния, и если условия не улучшаются, их критицизм перерастает в бунт. Его общий вывод гласит, что, во-первых, с более высоким уровнем жизни и статуса меньшая, чем прежде, степень угнетения воспринимается как невыносимая, и, во-вторых, «революции не происходят тогда, когда репрессированный класс находится в состоянии полной нищеты и страдания. Революции происходят после того, как на протяжении продолжительного времени благосостояние репрессированного класса растет» (Там же: 111).

Данный принцип более известен как «кривая Дэвиса» и связывается с именем американского социолога Дж. Дэвиса (Davies 1962: 5–19; анализ теории Дэвиса см.: Селле 2009: 371–387). В работе «К теории революции» (Davies 1962) автор выдвинул концепцию, согласно которой к революции ведет резкая смена надежды безнадеежностью: революции происходят не в период наиболее острых кризисов и не в период устойчивого подъема, а в ситуации, когда период подъема, внушивший людям надежды, сменяется резким упадком (*Ibid.*: 5). То есть протест вызывается не столько отчаянием, сколько повысившимися требованиями к жизни.

Сторонниками данной теории выступали многие исследователи, в том числе английский социолог Р. Дарендорф, который вслед за марксистами считал, что «революции происходят, когда не остается другого выхода» (Дарендорф 2002: 12), однако оспаривал марк-

систский подход, что революционный взрыв происходит в тот момент, когда условия жизни угнетенных масс достигают нижней точки. «На деле это не так. Те, кто терпит самую сильную нужду, становятся скорее апатичными, чем активными, и беспросветный гнет порождает великое безмолвие при всех тираниях. Взрывы происходят, когда налицо какие-нибудь незначительные перемены – искра надежды, искра раздражения – чаще всего при признаках слабости власть имущих, намеках на политическую реформу» (Дарендорф 2002: 14).

Большое влияние на разработку «теории революции» оказала концепция равновесия социальной системы и ее дисфункции.

Основа этой концепции базируется на выводах П. Сорокина относительно социальных групп и внутригрупповых конфликтов. «Каждая социальная группа (будет ли то клан, или тотем, или фратрия, или род, или семья, или государство, или церковь), – писал Сорокин (1992а: 142), – представляет "замиренную среду", с определенной организацией, с определенным фиксированным шаблоном поведения, с определенным уставом должного, запрещенного и рекомендованного взаимодействия ее членов. Ни в какой постоянной группе нет непрерывной внутригрупповой войны всех против всех, а, напротив, нормальным состоянием ее является консенсус взаимного поведения ее членов». Конечно, в каждой социальной группе существуют «инакомыслящие», но под давлением кар и наград эти «инакомыслящие» ведут себя согласно официальным нормам (Там же: 145).

Построения Ч. Джонсона и Л. Стоуна основаны на принципах сбалансированной социальной системы и дисфункции этой системы: если один из компонентов реальной системы не поддерживает равновесия, то из равновесия выходит вся система. Революции вносят необходимые изменения в том случае, если господствующая элита противится изменениям, т. е. «дисфункции» достигают уровня, превосходящего приспособительные способности системы (Johnson 1964: 4–5; Stone 1966: 165; см. также: Красин 1975: 40). Этот принцип после работы Т. Скорчпол был положен в основу целого направления исследователей; Дж. Голдстоун видел в нем отличительную черту «третьего поколения» теорий революции (Skocpol 1979: 24, 291–292; Голдстоун 2006: 98).

Израильский социолог Ш. Эйзенштадт в 1978 году выдвинул в качестве причин революций сочетание внешних факторов и внутреннего конфликта в государствах: «Во всех обществах, где про-

изошли революции Нового времени, к упадку режима привело, с одной стороны, сочетание внешнего давления, которое возникало в первую очередь в результате формирования современной системы межгосударственных отношений и международной капиталистической экономики, а с другой – внутреннего воздействия и конфликтов, к которым приводило такое давление» (Эйзенштадт 1999: 246). Годом позже этот принцип положила в основу своей концепции американский политолог Т. Скочпол. В ее интерпретации причина революций лежит в неспособности государства мобилизовать ресурсы для того, чтобы справиться с международной конкуренцией из-за существующей экономической системы и сопротивления политически значимых сил внутри страны (Skocpol 1979). После Эйзенштадта и Скочпол многие исследователи стали считать основополагающими внешние факторы революции (Kimmel 1990: 217). На сегодняшний день внешний фактор как причина трансформаций общества является одной из самых разрабатываемых тем (Гринин, Коротаев 2008: 59–82).

Политические события последнего десятилетия вновь всколыхнули интерес к изучению революций и их причин. Пример «цветных революций» и событий «арабской весны» (хотя они не являлись революциями по определению) наглядно демонстрирует популярные подходы и «проблемные зоны»: в списке их причин упоминались все приведенные выше. Но основное внимание уделялось социально-демографическому фактору: опережающие смертность темпы рождаемости, в результате чего образуется большое количество представителей молодого населения, которому не хватает «места под солнцем» (см.: Васильев 2012; Васильев, Петров 2012; Гусаров 2012; Долгов 2012; Коротаев, Зинькина 2012; Орлов 2012; Филлин 2012). Молодежь действительно была социальным ядром протеста в «цветных революциях» и событиях «арабской весны» (см.: Исаев, Шишкина 2012; Касьянов 2008; Лэйн 2010; Степаненко 2005), равно как и в русской революции 1917 года (Булдаков 1997; Восьмой... 1959; Десятый... 1963; Ленин 1960; 1969в; 1969г: 383; Пятый... 1935; Шестой... 1958), кубинской революции 1959 года и других (см.: Леонов 1975; Строганов 1995; Ibarra 1998). Однако «избыток» или «перевес» молодого населения в структуре общества характерен в современных событиях только для арабских стран, но не для стран бывшего СССР, где прошли «цветные революции». Сам по себе этот демографический феномен представляет отдельный интерес: является ли демографический фактор причиной рево-

люции или только сопутствующим условием? Ведь не вызывает сомнений, что очередь за хлебом не стала причиной февральской революции 1917 года в России, а самосожжения в декабре 2011 года – событий «арабской весны». Это только «спусковой крючок» (триггер) событий, но не их причина, тем более глубинная причина или причины, которые должны лежать в основании таких значимых явлений, как революции, в силу хотя бы того, что они осуществляют большие трансформации в социально-экономической сфере.

Таким образом, несмотря на то, что непосредственный поиск ответов на вопрос о причинах революций (который, в свою очередь, стал продолжателем поиска ответа на вопрос о причинах бунтов и смут в государствах) длится уже три столетия, основные рассуждения сгруппированы вокруг одних и тех же наборов оснований. Если систематизировать все концепции, то причины революций обеспечивают: 1) «личностный фактор» (правители и должностные лица); 2) «экономика» (кризисы, проблемы модернизации); 3) состояние массовой психологии («недовольство», в том числе «помешательство», «каприз»); 4) блок «социальных причин». В зависимости от подходов и целей исследования авторы соединяют эти блоки в различной последовательности и соподчиненности. Например, «социальные причины» могут «вбирать в себя» три других, так как «демографический фактор» или «поведение элит» и т. д. не «работают» сами по себе – их должно что-то «сдвинуть», и это «что-то» лежит либо в экономике, либо в психологии. К «психологии» можно относить «личностный фактор», так как не сама по себе слабость правителей, а восприятие на индивидуальном или коллективном уровне этой «слабости» как побудительного мотива (раздражение, надежда на перемены, чувство безнаказанности и др.) играет роль в каузальной цепочке. Одни исследователи ставят проблемы социальной психологии в зависимость от экономической базы, другие, наоборот, считают, что революционные возмущения определяет не реальное состояние дел, а восприятие обществом (или его частью) экономического состояния государства и его социальных проблем. В последние десятилетия причины революций исследователи все реже рассматривают в каком-то одном «блоке проблем», так или иначе объединяя эти четыре блока в комплекс причин, с определением различной степени важности каждого из них.

Литература

Бёрк, Э. 2001. *Правление, политика и общество*: сб. М.: Канон-пресс, Кучково поле.

Блос, В. 1906. *Французская революция*. СПб.: Тип. Альтшулера.

Булдаков, В. П. 1997. *Красная смута. Природа и последствия революционного насилия*. М.: РОССПЭН.

Васильев, А. М. 2012. Восстание в арабском мире: посе́вы и всходы. *Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола»*. М.: ЛИБРОКОМ, с. 8–17.

Васильев, А. М., Петров, Н. И. 2012. *Рецепты арабской весны: русская версия*. М.: Алгоритм.

Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г. Протоколы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1959.

Гегель, Г. В. Ф. 1978. *Политические произведения*. М.: Наука.

Голдстоун, Дж. 2006. К теории революции четвертого поколения. *Логос* 5: 58–103.

Грамши, А. 1959. *Избранные произведения*: в 3 т. Т. 3. М.: Изд-во ин. лит-ры.

Грегори, П. 2003. *Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.). Новые подсчеты и оценки*. М.: РОССПЭН.

Гринин, Л. Е. 2009. Психология экономических кризисов. *Историческая психология и социология истории* 2: 75–99.

Гринин, Л. Е. 2010. Мальтузианско-марксова «ловушка» и русские революции. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Малков, С. Ю. (отв. ред.), *История и математика: О причинах русской революции*. М.: ЛКИ, 2010, с. 198–224.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2008. История и макроэволюция. *Историческая психология и социология истории* 2: 59–82.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Малков, С. Ю. 2010. История, Математика и некоторые итоги дискуссии о причинах Русской революции. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Малков, С. Ю. (отв. ред.), *История и математика: О причинах русской революции*. М.: ЛКИ, 2010, с. 368–427.

Гусаров, В. И. 2012. Важнейшие факторы «арабской весны». *Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола»*. М.: ЛИБРОКОМ, с. 25–27.

Дарендорф, Р. 2002. *Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы*. М.: РОССПЭН.

Десятый съезд РКП(б). 1963. Март 1921 г. Протоколы. Стенографический отчет. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.

Долгов, Б. В. 2012. Причины подъема протестных движений в арабских странах. *Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола»*. М.: ЛИБРОКОМ, с. 18–24.

Жорес, Ж. 1977. *Социалистическая история Французской революции*: в 6 т. Т. 1, кн. 1. М.: Прогресс.

Жувенель, Б., де. 2011. *Власть: Естественная история ее возрастания*. М.: ИРИСЭН.

Исаев, Л. М., Шишкина, А. Р. 2012. *Египетская смута XXI века*. М.: ЛИБРОКОМ.

Карлейль, Т. 2008. *Герои, почитание героев и героическое в истории*. М.: ЭКСМО.

Касьянов, Г. 2008. *Украина 1991–2007: очерки новейшей истории*. Киев: Наш час.

Каутский, К. 1959. *Путь к власти (Политические очерки о вращении в революцию)*. М.: Госполитиздат.

Корогаев, А. В., Зинькина, Ю. В. 2012. Структурно-демографические факторы «арабской весны». *Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола»*. М.: ЛИБРОКОМ, с. 28–39.

Красин, Ю. А. 1975. *Революцией уstraшенные. Критический очерк буржуазных концепций социальной революции*. М.: Политиздат.

Лебон, Г. 1998. Психология толп. В: Лебон, Г., Тард, Г., *Психология толп*. М.: Институт психологии РАН, КСП+.

Ленин, В. И.

1960. В боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете. В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 11. М.: Политиздат, с. 336–338.

1969а. Заключительное слово по докладу об очередных задачах Советской власти (Заседание ВЦИК 29 апреля 1918 г.). В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 36. М.: Политиздат, с. 268–276.

1969б. Крах II Интернационала. В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 26. М.: Политиздат, с. 209–265.

1969в. Кризис меньшевизма. В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 14. М.: Политиздат, с. 149–172.

1969г. Советы постороннего. В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 34. М.: Политиздат, с. 382–384.

1973. Маевка революционного пролетариата. В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 23. М.: Политиздат, с. 296–305.

Леонов, Н. С. 1975. *Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки*. М.: Мысль.

Лэйн, Д. 2010. Оранжевая революция: «Народная революция» или революционный переворот? *Полис* 2: 31–53

Маркс, К.

1956. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. В: Маркс, К., Энгельс, Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 7. М.: Политиздат, с. 5–110.

1959. К критике политической экономии. В: Маркс, К., Энгельс, Ф. *Соч.* 2-е изд. Т. 13. М.: Политиздат, с. 1–167.

1961. Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия». В: Маркс, К., Энгельс, Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 18. М.: Политиздат, с. 579–624.

Маркс, К., Энгельс, Ф. 1955. Манифест коммунистической партии. В: Маркс, К., Энгельс, Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 4. М.: Политиздат, с. 419–459.

Местр, Ж., де. 1997. *Рассуждения о Франции*. М.: РОССПЭН.

Орлов, В. В. 2012. Марокко на фоне «арабских революций»: факторы устойчивости власти. *Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола»*. М.: ЛИБРОКОМ, с. 53–56.

Парето, В.

2008. *Компендиум по общей социологии*. М.: ИД ГУ ВШЭ.

2011. *Трансформация демократии*. М.: Территория будущего.

Пятый съезд РСДРП. Май-июнь 1907 г. 2-е изд. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935.

Селле, П. 2009. J-кривая Дэвиса. Когда происходят революции? *Теория и методы в современной политической науке: Первая попытка теоретического синтеза*. М.: РОССПЭН, с. 371–387.

Семенов, Ю. И. 2009. Карл Юлиус Белох и его «Греческая история». В: Белох, Ю., *Греческая история*: в 2 т. Т. 1. М.: ГПИБР, с. 3–42.

Сорокин, П. А.

1992а. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. В: Сорокин, П. А., *Человек. Цивилизация. Общество*. М.: Изд-во полит. лит-ры, с. 32–220.

1992б. Социология революции. В: Сорокин, П. А., *Человек. Цивилизация. Общество*. М.: Изд-во полит. лит-ры, с. 266–294.

2005. *Социология революции*. М.: РОССПЭН.

Спенсер, Г.

1999. *Опыты научные, политические и философские*. Минск: Современный литератор.

2007. *Личность и государство*. Челябинск: Социум.

Степаненко, В. 2005. «Оранжевая революция» – природа событий и особенности национальной гражданской активности. *Вестник общественного мнения* 5: 25–38.

Строганов, А. И. 1995. *Новейшая история стран Латинской Америки*. М.: Высшая школа.

Токвиль, А. 2008. *Старый порядок и революция*. СПб.: Алетейя.

Филин, Н. А. 2012. Социально-демографический фактор массовых волнений в арабских странах и Иране. *Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола»*. М.: ЛИБРОКОМ, с. 40–42.

Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.

Хантингтон, С. 2004. *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс.

Че Гевара, Э. 2006. Партизанская война как метод. В: Че Гевара, Э., *Статьи, выступления, письма*. М.: Культурная революция, с. 330–348.

Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 г. Протоколы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1958.

Эдвардс, Л. 2005. Естественная история революции. *Социологический журнал* 1: 101–131.

Эйзенштадт, Ш. 1999. *Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций*. М.: Аспект Пресс.

Bacon, F.

1720a. *Lord Bacon's Essays or Counsels Moral and Civil: 2 vols. Vol. I*. London: Printed for Henry Parsons.

1720b. *Lord Bacon's Essays or Counsels Moral and Civil: 2 vols. Vol. II*. London: Printed for Henry Parsons.

1765a. *The Works of Francis Bacon, Baron of Verulam, Viscount St. Alban and Lord High Chancellor of England: 5 vols. Vol. I*. London: Printed for A. Millar.

1765b. *The Works of Francis Bacon, Baron of Verulam, Viscount St. Alban and Lord High Chancellor of England: 5 vols. Vol. IV*. London: Printed for A. Millar.

1765c. *The Works of Francis Bacon, Baron of Verulam, Viscount St. Alban and Lord High Chancellor of England: in 5 Vol. Vol. V*. London: Printed for A. Millar.

Clark, J. 1862. *The History and Theory of Revolutions*. From the Princeton Review for April 1862. Philadelphia: William S. & Alfred Martien.

Davies, J. 1962. Toward a Theory of Revolution. *American Sociological Review* 27: 5–19.

DeFronzo, J. 1991. *Revolutions and Revolutionary Movements*. Boulder: Westview Press.

Dunn, J. 1972. *Modern Revolutions: An Introduction to the Analysis of a Political Phenomenon*. Cambridge: Cambridge University Press.

Edwards, L. 1970. *The Natural History of Revolution*. Chicago: University of Chicago Press.

Goldstone, J.

1982. The Comparative and Historical Study of Revolutions. *Annual Review of Sociology* 8: 187–207.

1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley: University of California Press.

Hart, J. 1987. *Revolutionary Mexico: The Coming and Process of the Mexican Revolution*. Berkeley: University of California Press.

Ibarra, J. 1998. *Prologue to Revolution: Cuba, 1898–1958*. Lynne: Rienner Publishers.

Johnson, C. 1964. *Revolution and the Social System*. Stanford: Stanford University Press.

Kimmel, M. 1990. *Revolution. A Sociological Interpretation*. Philadelphia: Temple University Press.

Millar, J. 1793. *The Origin of the Distinction of Ranks*. Basil: J. J. Tourneisen.

Selbin, E. 1999. *Modern Latin American Revolutions*. Boulder, CO.: Westview Press.

Shakibi, Z. 2007. *Revolutions and the Collapse of Monarchy. Human Agency and the Making of Revolution in France, Russia and Iran*. London: I. B. Tauris & Co Ltd.

Skocpol, T. 1979. *States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge: Cambridge University Press.

Stone, L. 1966. Theories of Revolution. *World Politics* XVIII (January) 2: 159–176.

Tilly, C. 2006. *Regimes and Repertoires*. London; Chicago: The University of Chicago Press.